ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1984

АЛЕКСЕЕВ М. Е.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Классификация лезгинских языков, как и дагестанских языков в целом, имеет уже достаточно длительную традицию: взгляды ученых своего времени на взаимоотношения отдельных групп и языков дагестанской семьи между собой тем или иным образом отражают классификационные схемы Р. Эркерта, А. М. Дирра, Н. Я. Марра и др. Наиболее распространенным к настоящему времени (отвлекаясь от внутренних отношений лезгинских языков) можно считать вариант классификации, включающий в лезгинскую группу десять языков: лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, удинский и хиналугский (см., например, [1, 2] и др.). В то же время существуют серьезные основания для пересмотра данной группировки. В этом легко убедиться, затронув лишь один из наиболее дискутировавшихся моментов в классификации лезгинских языков — принадлежность к лезгинской группе хиналугского языка.

Если не считать ранних классификаций [см. 3], основывавшихся в силу отсутствия сколько-нибудь исчерпывающего материала на сугубо географических принципах, первое аргументированное суждение по данному вопросу было высказано Р. М. Шаумяном, исследовавшим грамматический строй «шахдагских языков» — хиналугского, крызского и будухского. В результате своего исследования Р. М. Шаумян пришел к выводу, что «будухский и крызский языки настолько близки к лезгинскому, что их можно считать равноправными языками лезгинской группы наравне с рутульским, цахурским, агульским и др., что же касается хиналугского языка, то по своим грамматическим особенностям и лексике он занимает самостоятельное место среди яфетических языков Дагестана...» [4].

Автор первой грамматики хиналугского языка Ю. Д. Дешериев не был столь категоричен в суждениях и предложил три объяснения: 1) хиналугский язык относится к лезгинской группе и сохранил наиболее архаичные черты, утраченные другими представителями этой группы; 2) хиналугский язык относится к особой группе дагестанских языков, но испытывает сильное влияние лезгинских; 3) хиналугский язык занимает особое место среди дагестанских, нахских и абхазо-адыгских языков [5].

Чуть позже вышла в свет специальная статья Б. Б. Талибова, в которой обосновывается первая из предложенных Ю. Д. Дешериевым гипотез: «...хиналугский язык — это один из языков лезгинской группы, который отошел от языка-основы несколько тысячелетий тому назад и развивался самостоятельно, вне связи с родственными языками; в данной группе языков он занимает особое место» [6, с. 304]. В подтверждение этого тезиса в данной статье демонстрируется, с одной стороны, что «родство хиналугского языка с другими языками лезгинской группы доказывается... также фактом наличия звуковых соответствий между ним и другими языками этой группы» [6, с. 288] и, с другой стороны, что «родство хиналугского языка с другими языками лезгинской группы доказывается также общностью многих корневых слов, как-то: термины родства, названия частей тела и т. д.» [6, с. 294].

Таким образом, в статье Б. Б. Талибова приводятся аргументы в подтверждение никогда не оспаривавшегося факта: хиналугский и лезгинские языки родственны между собой. В то же время основная задача

демонстрации того, что хиналугский язык стоит ближе к лезгинским, нежели к другим дагестанским, остается в тени.

В монографии Б. К. Гигинейшвили о консонантизме дагестанских языков хиналугский язык также включается в лезгинскую группу [7, с. 151 и сл.]. К тому же процесс дивергенции общелезгинского языка-основы начался, по его мнению, с вычленения арчинского и удинского и уже затем хиналугского. Между тем такая хронологизация основывается исключительно на показаниях фонетического характера [7, с. 154—155], причем для одного из диагностических процессов (*д* —> *з*) приходится признавать заимствованный характер уд. *зу* и арч. *зон* «я» (см. об этом [8, с. 140]). Хотя опора на фонетические критерии в классификации языков широко практикуется, более надежным представляется обращение к соответствующим перекрестным свидетельствам разных уровней языковой структуры.

Таким образом, позицию Б. К. Гигинейшвили также нельзя считать окончательной. В то же время легко обнаружить целый ряд общелезгинских разноуровневых изоглосс, имеющих несомненно инновационный характер и не разделяемых хиналугским языком. Ср., например, из области фонетики.

1. В изменении общедагестанских звонких аффрикат (по реконструкции Б. К. Гигинейшвили, см. [7, с. 84—86]) хиналугский сохраняет абруптивность, чем более близок, например, к аварскому, ср.: авар. *моцI*: хин. *вацI* : арч. *бац* : лезг. *варз* «луна»; авар. *мичI* : хин. *мычI* : арч. *мач* «крапива»; авар. *къо* : *хин. кьаь* : арч. *ихъ* : лезг. *йугъ* «день»; авар. *лъIезе* : хин. *лакIри* : арч. *лIос* : лезг. *гун* «дать» и др.

2. При изменении в лезгинских языках общедагестанских слабых аффрикат в спиранты [7, с.88 и сл.] хиналугский язык сохраняет исходный согласный: авар. *ца* : хин. *цулоз* : таб. *селев* «зуб»; дарг. *хъу* : хин. *ынхъа* : арч. *ух* «поле» и др.

Как правило, не разделяет хиналугский язык и общелезгинских морфологических инноваций. Так, общелезгинский набор падежных аффиксов можно реконструировать следующим образом [1]:

Основные падежи:

абсолютив	*-∅
эргатив	косв. основа + *-∅
датив	косв. основа + *-с
генитив	косв. основа + *-н

Аффиксы локализации:

«на ориентире»	*-л-
«внутри ориентира»	*-'-
«около ориентира»	*-лъв-
«в соприкосновении с ориентиром»	*-к-
«за ориентиром»	*-хъ-
«между, среди; внутри заполненного ориентира»	*-къI-
«перед ориентиром»	*-гь-
«под ориентиром»	*-лъI-

Аффиксы направительных падежей:

локатив	*-∅
терминатив	*-н(а)
директив	*-те
аблатив	?

Независимо от того, насколько обрисованная выше падежная система отражает общедагестанскую, можно говорить о том, что хиналугский язык обнаруживает весьма скромные соответствия этой системе. Пожалуй, не вызывает сомнения лишь общий принцип образования абсолютива, представляющего собой прямую основу имени, и эргатива, совпа-

[1] В общих чертах этот набор был реконструирован Е. А. Бокаревым [9]. В настоящей статье мы основываемся на уточненной и дополненной реконструкции.

дающего с косвенной основой. При этом реконструируемое для общелезгинского состояния значительное разнообразие способов образования косвенной основы [10, 11] находит соответствие лишь в общем принципе образования основы косвенных падежей в хиналугском языке с помощью унифицированного показателя *-и-* или же в случаях «неправильного» образования с помощью других гласных, в то время как показатель *-ам* с вариантами (ср. *унг* «сердце» — эрг. *унгуми*) общелезгинских параллелей не обнаруживает. Учитывая эти обстоятельства, легко сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело скорее не с генетической, а с типологической близостью, которая не может, соответственно, служить здесь классификационным критерием.

Е. А. Бокарев предложил еще несколько сопоставлений. Так, по его мнению, отражением «старого дательного падежа на *-с//-з* в хиналугском языке является так называемый инессив III на *-ш*, обозначающий нахождение внутри чего-либо (*бый-иш* „в отце")» [9, с. 45]. Данное сопоставление теперь трудно принять, поскольку, как выясняется, хин. *-ш* не соответствует ни общелезг. *з*, ни общелезг. *с* [12, с. 313—314]. Впрочем, хин. *-ш* может отвечать общелезг. **-лъв* [ср. 12, с. 322—323]. Такое сближение вполне оправдывается и с точки зрения значения, так как хиналугский падеж на *-ш* является типичным средством выражения принадлежности, функции которого, как правило, берет на себя именно падеж со значением «у, около» (ср. общелезг. **-лъв-*). Находит соответствие в общелезг. **-хъ* хиналугский показатель *-х* [9, с. 47], хотя подобное соответствие подтверждается лишь одним примером: лезг. *хъуьруьн* : хин. *хаькиндаь* «смеяться» [12, с. 306]. Предполагается также, что хиналугский генитив, совпадающий, как правило, с эргативом и, соответственно, с косвенной основой, восходит к общелезгинскому, причем **-н* $>$ *∅* [12, с. 250]. Вместе с тем данный процесс не находит подтверждения в остальном материале.

Таким образом, более или менее вероятной оказывается генетическая связь хин. *-ш* и общелезг. **-лъв-*, с одной стороны, и хин. *-х* и общелезг. **-хъ*, с другой. Оба сопоставления имеют общедагестанский характер, ср. лак. *-хъ* (*къатлу-хъ* «у дома») и др., а также реконструкцию общедаг. **-хъ* [13]. Следовательно, хиналугский язык не разделяет ни одной общелезгинской инновации в системе склонения. Аналогично, возможно, обстоит дело и в глагольной морфологии. Укажем, в частности, на выражение в хиналугском аспектуальных различий с помощью суффиксов, т. е. как и в аварском языке, в противоположность лезгинским инфиксальным показателям вида. В целом же этот вопрос, по-видимому, требует еще дополнительного изучения.

Обратимся, наконец, к лексике. Поскольку анализ всего словарного состава хиналугского и лезгинских языков несопоставим с размерами одной статьи, представляется целесообразным ограничиться в предварительном порядке рассмотрением одной из тематических групп лексем, входящих в число сопоставлений, предложенных в специальной статье Б. Б. Талибова [6, с. 294—304]. Подавляющее большинство этих сближений имеет общедагестанский характер. Так, в число общедагестанских изоглосс вошли хиналугские лексемы *риши* «девушка, дочь» [14, с. 129], *цIынас* «невестка, невеста» [14, с. 132], *хыдыл* «внук» [14, с. 129], *рыцы* «сестра» [14, с. 133], *хинимкIир* «жена, женщина» [14, с. 130], *лыгылд* «муж» [14, с. 131], *кьетхи* «близнецы» [14, с. 127], *бый* «отец» [14, с. 132], *деде* «мать» [14, с. 131]. Не имеют общедагестанского характера лишь слова с явно ограниченным ареалом распространения: *гыдыл* «правнук» (соответствия в лезгинском, крызском и табасаранском), *гуьнуь* «название жен многоженца в отношении друг к другу» (соответствия в будухском и удинском; заимствование из азербайджанского языка), *хиндед* «вдова» (соответствие в лезгинском).

Последнее обстоятельство позволяет предположить ареальный характер хиналугско-лезгинских схождений в целом. В силу своего географического положения хиналугцы неизбежно должны были входить в языковые контакты с представителями трех народностей лезгинской

группы — лезгинами (носителями ахтынского диалекта), крызцами и будухцами. С крызцами же хиналугцев издавна объединяла и административная общность [15]. Результатом таких контактов можно считать определенное количество лексических заимствований в хиналугском языке. На возможность интерпретации их именно в качестве заимствований указывают, с одной стороны, ареальная ограниченность их распространения (ср. хин. *ксан* < лезг. *хъсан* «хороший», лексема считается арабизмом — см. [16]; *чли* «большой» < лезг. *чIехи*; *кIаьви* «крепкий» < лезг. *кIеви* и некот. др.), но и в отдельных случаях своеобразием фонетического облика, ср. например, *махар* «грудь» (при крыз., буд. *махар*, общелезг. **мохор*), где ожидался бы **-хъ-*, или же *са* «один» при ожидаемом **ц-* и т. п.

Достаточно заметны контакты хиналугского языка с шахдагскими (крызским и будухским) и в области морфологии: во-первых, здесь совпадает с косвенной основой форма родительного падежа; во-вторых, в будухском и хиналугском языках противопоставляется отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность; в-третьих, в хиналугском дативе на *-у* можно усматривать влияние шахдагского локатива на *-в*, а в локативе на *-хъ* — соответствующих локативов (при исконности этого форманта в хиналугском ожидалось бы **-хъ*).

Вышесказанное позволяет заключить, что хиналугский язык не входит в лезгинскую группу. Видимо, следует признать справедливой точку зрения, согласно которой хиналугский язык представляет собой особую группу среди дагестанских языков.

Как правило, выводились за пределы лезгинской группы также арчинский и удинский языки. Тем не менее их принадлежность к данной группе в настоящее время можно считать доказанной. Так, О. И. Кахадзе, посвятивший выяснению вопроса о генетической принадлежности арчинского языка специальное исследование, пришел к следующему выводу: «...арчибский — по происхождению — язык лезгинской группы. Он, видимо, одним из первых выделился из этих языков и, по причинам не известным нам, рано отделился от них и территориально. Будучи изолированным от родственных лезгинских языков, оказавшись в окружении аварско-андийско-дидойской и лакско-даргинской группы, арчибский язык претерпел серьезные изменения: значительно отошел от лезгинских языков и заметно сблизился с лакским и особенно с аварским языками» [17]. Контактную природу имеет, по нашему мнению, и особое положение, занимаемое удинским языком, испытавшим сильное влияние армянского языка.

Достаточно показательными при решении вопроса о классификации лезгинских языков являются данные, полученные при сравнении стословных списков слов методами глоттохронологии. Так, сравнение процента лексических совпадений внутри группы лезгинских языков (см. табл.) с аналогичными данными, полученными в результате сравнения с ними аварского, лакского и хиналугского языков (соответственно 22—27—25 для лезг., 28—32—30 для таб., 28—31—35 для агул., 24—28—29 для рут., 24—26—28 для цах., 24—31—31 для арч., 25—28—28 для крыз., 28—27—27 для буд., 28—32—24 для уд.) выявляет значительное отличие лексических отношений внутри и вне лезгинской группы. С другой

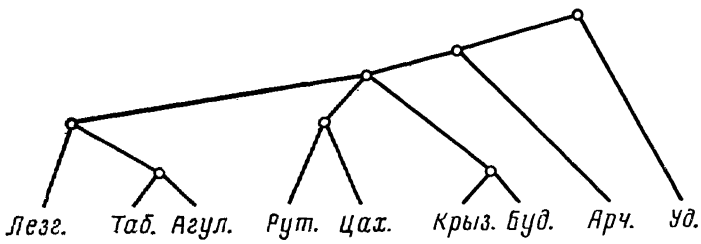
Процент лексических совпадений между лезгинскими языками

	Таб.	Агул.	Рут.	Цах.	Арч.	Крыз.	Буд.	Уд.
Лезг.	50	53	46	38	38	47	40	33
Таб.		69	43	41	40	47	45	38
Агул.			47	45	44	47	42	40
Рут.				50	38	41	42	36
Цах.					34	38	36	33
Арч.						36	37	34
Крыз.							63	32
Буд.								32

стороны, нельзя не заметить и отчетливо выделяющихся группировок внутри лезгинской группы, что позволяет представить итоговую схему филиации общелезгинского языка-основы в виде схемы (см. ниже).

Генетическая классификация лезгинских языков, отраженная на схеме, достаточно хорошо согласуется с традиционными воззрениями на их генетические взаимоотношения, основанными на сугубо структурных признаках. Попытаемся выделить некоторые такие признаки, характерные для отдельных подгрупп лезгинских языков. Заметим при этом, что фонетические и синтаксические признаки оказываются практически нерелевантными для выделения подгрупп лезгинских языков.

Восточнолезгинская подгруппа, включающая лезгинский, табасаранский и агульский языки, характеризуется большой степенью близости морфологической системы в целом, что во многом унаследовано от обще-



Генетическая классификация лезгинских языков

лезгинского языка-основы. К собственно восточнолезгинским инновациям в именной морфологии можно отнести, во-первых, исключительное употребление показателя множественного числа имен *-ар* (*-ер*, *-йар*, *-йир*) [2] с соответствующей утратой других суффиксов, во-вторых, высокую продуктивность суффикса косвенной основы *-ди*, в-третьих, широкое употребление направительного падежа с суф. *-ди*, в том числе и во вторичной функции инструменталиса. Кроме того, типичным для восточнолезгинских языков является распад общелезгинской системы четырех именных классов, следы которой в виде противопоставления личного и неличного классов сохранились лишь в табасаранском языке. Показательным оказывается и факт наличия специфического слоя общевосточнолезгинской лексики, ср.: лезг. *паж*, таб. *бай*, агул. *баIж* «сын, мальчик»; лезг. *кӏвар*, таб. *гвар*, агул. *гвар* «кувшин»; лезг. *къвал*, таб. *гъвал*, агул. *къвал* «бок»; лезг. *къен*, таб. *гъян*, агул. *гIан* «внутренность, живот»; лезг. *йис*, таб. *йис*, агул. *ис* «год»; лезг. *жив*, таб. *йиф*, агул. *ибхь* «снег»; лезг. *кек*, таб. *карк*, агул. *кирк* «лапа»; лезг. *цал*, таб. *цал*, агул. *цал* «стена»; лезг. *туьд*, таб. *дюд*, агул. *тут* «горло» и др.

Рутульско-цахурская подгруппа (подробный анализ фонетики и морфологии рутульского и цахурского языков в сравнительном плане см. в [19]), также сохранившая целый ряд общелезгинских черт, может быть выделена, в частности, следующими морфологическими инновациями: во-первых, здесь широко представлен при неодушевленных именах суффикс мн. числа *-быр* (рут.), *-бы* (цах.); во-вторых, функционирует атрибутивный по происхождению генитив (рут. *-д/-ды*, цах. *-н/-ни/-на/-да*); в-третьих, в парадигме склонения представлен творительный (сопроводительный) падеж (рут. *-хьван*, цах. *-ква*) и др. Достаточно представительным является и пласт общей рутульско-цахурской лексики, ср.: рут. *макъвал*, цах. *магъа* «крапива»; рут. *ург*, цах. *ург* «ягненок (до 1 г.)»; рут. *уб*, цах. *уIм* «кольцо»; рут. *аIрх*, цах. *аIрх* «шерсть (весенняя)»; рут. *дан*, цах. *дан* «щека»; рут. *ӷал*, цах. *ӷал* «рот»; рут. *ӷам*, цах. *ӷам* «ость»; рут. *джеб*, цах. *джаIб* «слизь, ил»; рут. *гъул*, цах. *къул* «окно»; рут. *сипыл*, цах. *сипа* «лук»; рут. *кьацI*, цах. *кьацI* «подбородок» и др.

[2] Ср.: «Именительный падеж множественного числа во всех трех языках образуется посредством суффикса *ар* (*аьр*, *ер*)» [18].

Шахдагские языки (крызский и будухский), пожалуй, представляют собой наиболее тесную лингвистическую группировку (сопоставимую в некотором отношении с табасаранско-агульской). Соответственно, достаточно многочисленны здесь и свидетельства их исторической общности в области морфологии: во-первых, в парадигме склонения в шахдагских языках представлены генитив, совпадающий с косвенной основой, и эргатив, маркированный суф. *-р* (этот же суффикс отмечен и в рутульском); во-вторых, среди пространственных падежей противопоставляются аллатив на *-н* и аблатив на *-р* (первый ныне практически утрачен); среди показателей локализации полностью утрачен **-л̄-* «на», замещенный послелогами. Значительной общностью, выделяющей шахдагские языки из лезгинских, обладает и их глагольная морфология. Так, здесь противопоставлены настоящее время на *-(р)и*, будущее на *-(р)аь* и прошедшее на *-джи*. С помощью аблаута различаются переходные и непереходные глаголы. Наконец, можно выделить большое количество слов, восходящих к прашахдагскому уровню, ср.: крыз. *ираьдж*, буд. *ирд* «кровь» (по-видимому, субстантивированная форма прилагательного «красный»); крыз. *шимитI*, буд. *шимитI* «сопля»; крыз. *гIич*, буд. *гIич* «кожа, шкура»; крыз. *лехI*, буд. *лехI* «теленок»; крыз. *купаьл*, буд. *купэл*, «петух»; крыз. *цIили*, буд. *цIиле* «ветка, сучок»; крыз. *мичIехI*, буд. *муьчIеъ* «астрагал»; крыз. *кьаьджир*, буд. *кьаджир* «нутряное сало»; крыз. *киш*, буд. *киш* «тулуп»; крыз. *сыл*, буд. *сил* «голенище»; крыз. *гаьндж*, буд. *гэндж* «кизяк»; крыз. *кьванI*, буд. *кьапI* «мышеловка»; крыз. *харт*, буд. *хорт* «точильный брусок»; крыз. *чин*, буд. *чин* «серп» и т. п.

Три перечисленные группы как будто объединяются в более широкую группировку, называемую самурской [8, с. 155]. Целесообразность исключения из этой группировки арчинского языка может быть продемонстрирована двумя достаточно показательными изоглоссами: во-первых, переходом в этой группе латеральных в велярные [7, с. 155] в области фонетики и, во-вторых, возникновением системы глагольных префиксов. Менее очевидны основания для выделения особой группировки, объединяющей рутульско-цахурскую и шахдагскую подгруппы (ср., например, суф. эргативного падежа *-р* в рутульском, крызском и будухском, имеющий явно инновационный характер, и др.). Вполне вероятно, что отдельные изоглоссы, объединяющие с шахдагскими языками рутульский язык (большей частью его борчинско-хновский диалект), имеют контактную природу.

Естественно, связи между лезгинскими языками не ограничиваются их генетической общностью. Для многих из них были характерны в прошлом и продолжаются сейчас до некоторой степени заметные контакты, что не могло не отразиться на их грамматическом строе и словаре. Так, по крайней мере в области лексики, можно обнаружить не только рутульско-будухские, но и лезгинско-рутульские и некоторые другие изоглоссы. Наличие таковых является довольно очевидным уже в силу соответствующего географического расположения контактирующих языков, так что подробно останавливаться здесь на данном вопросе не представляется целесообразным. Укажем лишь на наличие несколько неожиданных табасаранско-агульско-арчинских изоглосс, ср. таб. (дюб). *акъа*, агул. *агъ*, арч. *ахъ* «нога, бедро»; таб. *арс*, агул. *арс*, арч. *арси* «серебро, деньги»; таб. *аьхъю*, арч. *хеI* «холодный», агул. *дахъаIс* «остывать»; таб. *дажи*, агул. *деги*, арч. *доги* «осел»; таб. *кучIал*, агул. *кучIал*, арч. *квачIет* «ложь» и др. Эти изоглоссы могут быть свидетельством существовавшего некогда ареала, охватывавшего, помимо названных языков, также лакский и даргинский языки. Впрочем, детальный анализ подобных схождений — предмет специального исследования. Здесь же подчеркнем, что без четкого отделения ареальных связей от генетических классификация лезгинских языков не сможет быть достаточно обоснованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бокарев Е. А.* Лезгинские языки. Введение.— В кн.: Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 524.
2. ЕИКЯ, 1974, т. I, с. 323.
3. *Чикобава А. С.* Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.), с. 27 и сл.
4. *Шаумян Р. М.* Языки «шах-дагской группы».— В кн.: Язык и мышление. Т. X. М.—Л., 1940, с. 163.
5. *Дешериев Ю. Д.* Грамматика хиналугского языка. М., 1959, с. 207.
6. *Талибов Б. Б.* Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы.— Уч. зап. ИИЯЛ, 1959, т. VII.
7. *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
8. *Алексеев М. Е.*— ВЯ, 1979, № 4.— Рец. на кн.: *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков.
9. *Бокарев Е. А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка.— В кн.: Вопросы грамматики. М.—Л., 1960.
10. *Алексеев М. Е.* Консонантные показатели косвенной основы имен в лезгинских языках.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: Тезисы докладов. Махачкала, 1981.
11. *Старостин С. А.* Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласный.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: Тезисы докладов. Махачкала, 1981.
12. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
13. *Гигинейшвили Б. К.* Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности.— ВЯ, 1976, № 1 с. 36.
14. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
15. *Волкова Н. Г.* Хиналыг.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. VII. М., 1980, с. 38.
16. *Забитов С. М.* Арабские заимствования в лезгинском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Махачкала, 1983, с. 15.
17. *Кахадзе О. И.* Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Тбилиси, 1973, с. 49.
18. *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Махачкала, 1958, с. 18.
19. *Джейранишвили Е. Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Тбилиси, 1966.